

СИМВОЛ русской жизни

Виктор Каменев

Что он: обжора? ленивец? неженка? созерцатель? резонёр?
Нет... он Обломов, результат долгого накопления разнородных
впечатлений, мыслей, чувств, симпатий, сомнений и самоупрёков.
И.Ф. Анненский, 1892 год

В сентябре этого года в Ульяновске прошёл 6-й Обломовский фестиваль с большой театрализованной уличной программой. В рамках фестиваля, тоже уже традиционно, в библиотеке № 8 прошёл Круглый стол, посвящённый 150-летию выхода в свет романа «Обломов». Этому мероприятию предшествовала необычная подготовка: летними вечерами (по четвергам) библиотека № 8 проводила на Венце краеведческие викторины, в частности, и по «обломовской» тематике.

Если в Интернете набрать в поисковой системе Яндекс «Гончаров, роман «Обломов», то первым в списке появится реферат «И.И. Обломов – «коренной народный наш тип» некой московской школьницы, в котором можно прочитать, что «Обломов – яркий представитель русского народа... В этом романе прославляется русская лень. И многие из нас с удовольствием лежали бы на диване, как Илья Ильич, если бы была такая возможность. «Обломовщина» – национальная черта русского народа...»

В списке использованной для написания этого реферата литературы указана статья Н.А. Добролюбова «Что такое обломовщина?» (1859). Московская школьница XXI века «с беспощадной строгостью» чеканит «современный русский тип» по добролюбовскому слову века XIX и сводит его полностью к пресловутой «обломовщине». Так что впору вспомнить другое выражение из того же века: «Что делать?»

Во втором ряду

Действительно, что делать с таким упрощённым, прямолинейным пониманием романа «Обломов» школьными недорослями, если их устами глаголет наша литературная критика? Её усилиями И.А. Гончаров ещё в XIX веке был объявлен, ввиду «безыдейности и недостаточной прогрессивности», писателем «второго ряда», «бытописателем» и находится на нём до сих пор. Под таким углом его и сегодня «проходят» в школе?

А как же Анненский, Дружинин, Мережковский и многие другие наши писатели и литературоведы, которые не согласились с таким подходом к творчеству Гончарова? Они до сих пор в подавляющем меньшинстве...

Если же мы говорим о необходимости возрождения духовных основ нашей культуры, то нам просто необходимо вернуться к Гончарову. Хотя бы потому, что он создал Обломова – действительно «коренной народный наш тип», который стал за прошедшие годы одним из символов России, её таинственным мифом.

Обломовский миф – единственное в своём роде явление в нашей литературе, других таких примеров не дал даже Пушкин. А миф – это очень серьёзно, это ведь, говоря словами философа Лосева, «живая идея», которая живёт в сознании народа независимо от текущей конъюнктуры и формирует его самосознание. И мнение простодушных школьников об Обломове для нас более важно, чем иные научные доклады: будущее-то за ними.

Янус по-обломовски

К юбилейным датам принято вспоминать путь, пройденный юбиляром. Как живётся Обломову в нашем общественном мнении на протяжении уже полутора веков? Он часто мелькает в дневниках многих писателей и общественных деятелей. Из них видно, что после трудов праведных и повседневных забот они отдают ему дань: частенько говорят о своей любви к халату и к дивану – и вспоминают Обломова. Ведь без некоего отдохновения любой труд не в радость; во всём мире это так. Но только в России эта радость часто обломовская. Отдыхать – так отдыхать, гулять – так гулять... Возможно, сказывается географический фактор, наш суровый континентальный климат с его жарким летом и холодной зимой – отсюда и перепады в характере: «медленно запрягаем», но «быстро ездим», и работаем часто сверх всякой меры. Возможно и то, что наш народ действительно, по Данилевскому и Гумилёву, ещё сравнительно молод и поэтому во всём максималист, склонен всё преувеличивать и свою лень тоже.

Так или иначе, но наш Обломов как бы двулик: один для внутреннего потребления, другой – для внешнего мира. Обломова в себе мы любим, принимаем и оправдываем, безотчётно понимая какую-то вселенскую его правоту, на людях же порицаем его лень и апатию, как-то по-страусиному прячем голову в «обломовский комплекс» и... подставляем известное место для желающих поупражняться в нападках на Обломова.

Фото Сергея Ойкина

До Октябрьской революции Обломов представлял собой нашу национальную физиономию, был одним из символов России. Символом также противоречивым: для одних он – «ленивый барин», уходящая натура, для других – «наша Илиада и Одиссея». «Революционная Обломовка» – называет свою статью о событиях в России летом 1917 года известнейший в то время журналист и писатель Василий Розанов.

После Великого Октября большевики долго по-ленински «трепали» Обломова, ничего не добились и отмахнулись от него, сделав вид, что он остался в прошлом, свели его к фольклорному типу, которого в советской жизни как бы уже и нет. Но как только «их ушли», Обломов – тут как тут, целый и невредимый. Он успел побывать за границей, где стал модным типом, одним из символов, противостоящих утилитарным тенденциям в западной культуре; на родине перебрался из подполья на киноэкраны и театральные сцены, в рекламу и на вывески кафе и ресторанов.

Как ему удалось выжить? Мы все знаем ответ на этот вопрос: в Обломове Гончарову удалось воплотить некие глубинные черты русского национального характера. Его родитель признавался, что «инстинктивно чувствовал, что в эту фигуру вбираются мало-помалу элементарные свойства русского человека», а потом это подтвердила и литературная критика, и, главное, читатель.

Известный писатель Д.С. Мережковский увидел в «Обломове» «античную любовь к будничной стороне жизни, такую же способность одним прикосновением преобразовать прозу действительности в поэзию и красоту – характерную черту Пушкина и Гончарова. Перечтите «Сон Обломова». Еда, чаепитие, заказывание кушаний, болтовня, забавы старосветских помещиков принимают здесь гомеровские идеальные очертания... Кажется, что творец «Обломова» покидает здесь перо и берётся за древнюю лиру; он уже не описывает – он воспевает нравы обломовцев, которых недаром приравнивает к «олимпийским богам»... (1890).

Обломовский миф

Во всём мире принято гордиться национальным характером. Всё, что с ним связано, – нечто святое. Над ним могут незлобно подтрунивать, но откровенно насмехаться и тем более издеваться не позволительно никому: это расценивается как оскорб-

ление. Снисходительны все народы к отдельным своим недостаткам: все склонны к самооправданию, хотя бы ради продолжения жизни.

А можно ли гордиться Обломовым? Как быть с «ленивым образом», который «прежде всего, бросался в глаза» уже самому Гончарову?

Здесь Обломов – наше уникальное исключение. С самого начала он являл собой не только «коренной народный наш тип», но и некий комплекс неполноценности, и стал поводом для многих отечественных, а потом и зарубежных критиков пускать полные сарказма стрелы в эту обломовскую «прореху» в русской душе, по словам модного ныне писателя В. Ерофеева. Не это ли породило феномен некоего самоуничтожения в характере русского человека?

Если присмотреться к Обломову – это ещё и наше уникальное недоразумение. Вот что пишут в 1991 году П. Вайль и А. Генис: «Гончаров, взяв «лишнего человека» у Пушкина и Лермонтова, придал ему сугубо национальные – русские – черты. При этом живёт Обломов в гоголевской вселенной, а тоскует по толстовскому идеалу универсальной «семейственности». Но мы этого знать не желаем – довольствуемся добролюбовской «обломовщиной».

А ведь это всё равно, что Дон Кихота обозвать сумасшедшим рыцарем, «донкихотовщиной» – ведь он воюет с ветряными мельницами! Только испанцы считают, и по праву, что Дон Кихот – это великий миф, рыцарь «печального образа», а мы в нашем Обломове, таком же мифическом герое, видим до сих пор совершенно реального человека, отягощённого комплексом вины – «обломовщиной». В то время как Обломов прежде всего – великий мечтатель, рыцарь «мира грёз».

Обломов – это наш Дон Кихот

«Мы ленивы и нелюбопытны», – сказал когда-то Пушкин по поводу нашего отношения к собственной истории – задолго до пришествия Обломова. Он и сегодня прав. Мы спешим вперёд, и нам недосуг оглянуться назад, привести в порядок своё историческое национальное достояние, в которое входит и роман «Обломов». Не пора ли нам поставить Обломова на его законное место – национального мифа? Хотя бы для того, чтобы не возникали «на ровном месте» литературно-недоумённые вопросы о национальном характере? Тем более,

что очень многое для этого нашими литературоведами уже сделано.

«Уже современники писателя обратили внимание на то, что в тексте «Обломова» глубинная перекличка с образами и проблемами «Дон-Кихота». В этом творении Сервантеса, как известно, предельно обнажено одно из корневых противоречий человеческого сознания – противоречие между идеальным и реальным, воображаемым и действительным. Фанатичная вера Дон-Кихота в непреложную реальность своих грёз катастрофически противопоставлена практицизму его человеческого окружения... При всём том обломовское «донкихотство», конечно, чисто русского свойства, в нём нет воинственной истиснутойности», – пишет в статье «Несовершенный человек» исследователь творчества Гончарова Ю.М. Лошиц (1996).

Доктор филологических наук, гончаровед В.А. Недзвецкий утверждает, что Обломов – это великий архетип, «соразмерный» многим мировым литературным персонажам: «Гончарова не считают крупным мыслителем... Да он блестящий мыслитель! Писатель искал идеал. У него нет ни одной сцены, которая не вела бы в глубь. И какую глубь! Обломов – сложнейшая фигура, в которой запрограммированы начала Гамлета, Дон Кихота, мотив Фауста...»

Может ли быть случайным то, что бросаются в глаза параллели между Обломовым и Дон Кихотом? На этот вопрос ответил в одном из своих эссе эмигрантский филолог Владимир Соловьев: «Дон-Кихот был задуман и писался как пародия на рыцарские романы, пока Сервантес не осознал, что пародийный образ зажил самостоятельной жизнью, и что рыцари существуют на самом деле». Так же и Обломов задумывался как пародия на русского помещика, и только потом он «зажил самостоятельной жизнью». Как это произошло? Об этом, на примере опять же Дон Кихота, можно найти у последнего нашего «золотого» классика Ивана Бунина: «Дон Кихот» – прекраснейшая из книг, но ведь это мы – поздние потомки – придали ей глубокий, вечный смысл. Сам Сервантес об этом и не подозревал».

И Гончаров тоже не подозревал, какой утилитарный смысл придадут его Обломову потомки. Но сегодня, когда революционно-демократические иллюзии прошлых веков позади, не пора ли нам наполнить Обломова вечным смыслом? Обломов ведь может стать и нашим Дон Кихотом, если мы этого захотим.